

Мифологическая составляющая славянской ихтиологической терминологии

Дайнюс Разаускас

The author discusses the Slavic ichthyological terminology which is either directly connected with some well-known mythological beings or indicates a mythological imagery scarcely characteristic to common living conditions of fish. Such ichthyonyms are explained according to the appearance of the fish and its behaviour. Nevertheless, in some cases, semantics of these ichthyonyms conforms to a corresponding mythological motives so well that the influence of mythological world-view on their origin is undoubted.

В славянской ихтиологической терминологии имеется целый пласт наименований рыб, отсылающих как непосредственно к известным мифологическим персонажам, так и к таким явлениям окружающего мира, которые иногда весьма трудно вяжутся с обычными представлениями о рыбах и средой их обитания. Как правило, ихтионимы такого рода объясняются внешностью рыбы и особенностями ее поведения, однако в некоторых случаях их семантика настолько хорошо отвечает определенным мифологическим мотивам, что можно и даже необходимо поставить вопрос о влиянии мифологической картины мира на образование соответствующих ихтионимов и, таким образом, попытаться выделить в их семантической мотивации мифологическую составляющую. При этом внешность и особенности поведения рыбы служат лишь поводом для включения «мифологического регистра» мировосприятия.

Приведем несколько конкретных примеров.

Рыба-черт

В славянской ихтиологической терминологии в этом отношении в первую очередь выделяются наименования рыб, прямо отсылающие к такому мифологическому персонажу, как черт. Это рус. *чертѡг* 'вьюн', укр. *чорт* 'вид рыбы, похожей на щиповку, с шипом-иглой на голове', пол. *czarciuch* 'трехиглая колюшка', *diabelek*, также *piekielnica* 'быстрянка', с.-хорв. *đavalče* 'подкаменщик' (у подкаменщика, по словам Л.П. Сабанеева, «огромная широкая голова, вооруженная с каждой стороны загнутым шипом, тело голое, глаза красного цвета, обращены кверху») (Усачева 2003, 159). Ср. также рус. диал. *чёртик*, укр. диал. *чортик*, словц. диал. *čertik* 'трехиглая колюшка'; «название вызвано наличием на спине у колюшки трехиглой (как и у колюшки девятииглой) перед спинным плавником острых колючек, которые эта рыбка растопыривает подобно рогам в случаях опасности или при нападении» («в словацком языке это наименование применяется также к окуню»), при том что

та же рыба по той же причине в русском, украинском и польском имеет название *rogatka* (Коломиец 1983, 19, 23). Ср. также лит. название рыбы *ragys* 'Muoxoscephalus quadricornis' (Urbutis 1981, 158) наряду с прозвищем черта (вяльняса) *rągius*, *rągius* (LKŽ XI, 35), оба названия буквально означают 'рогатый'.

Рыба связана с чертом (и противопоставлена Богу и громовержцу) по самому месту своего обитания – (под)водному царству, расположенному внизу, на нижнем конце вертикальной оси традиционной модели мира. В одной литовской быличке прямо сказано, что *Žuvis yra priešinga Dievui* «Рыба противоположна Богу» (KAŽ, 77, № 137; LT IV, 447, № 385). Или же: *Meškeriotojai nemėgsta, kad bemeškeriojant jiems kas nors pasakytų „padėk Dievui“, nes mano, kad, taip atsitikus, žuvis nepagaus* «Рыбаки не любят, если во время рыбалки кто-нибудь скажет „Бог в помощь“, так как верят, что в таком случае не поймают рыбы»; *Jei nori pagauti daug žuvų, tai reikia žuvaujant nesakyti: „padėk Dievui“...* «Если хочешь поймать много рыбы, на рыбалке следует не говорить „Бог в помощь“...» (Elisonas 1932, 50, № 428, 429). И русский «водяной не любит шумных людей, не переносит, когда у воды поминают зайца, медведя, попа, дьяка, Господа Бога и вообще много и без дела болтают: *Около зимника есть заездок. Дядя Степан говорил, что в этом месте много попадает рыбы, только не надо ничего говорить. У меня из рук три раза верши вышибал. Я как увижу рыбу, каждый раз и скажу: „Ну Слава Богу, много рыбы!“ И каждый раз как треснет по верши, так всю рыбу и опустит* (Новгородская обл., Белозерский уезд)» (РС, 101). На Британских островах тоже, например, «встретить священника по дороге на рыбалку – не к добру», а «помянуть имя Господа всуе, находясь в море, – к несчастью» (ЭС, 392, 393).

Вполне естественно поэтому, что уподобление рыбы чёрту в балто-славянской традиции связано с мотивами «основного мифа»¹. Да и не только в балто-славянской: так, например, «лопари, скандинавские и финские, считали Илью-пророка покровителем рыбной ловли» (Макашина 1982, 90). Ср. в этом отношении скандинавского громовержца Тора, в ы у д и в ш е г о на рыбалке своего архетипического противника – змея Мидгарда. В России, «по одним поверьям, водяной боится грозы и посылаемых в него пророком Ильей молний, по другим – напротив, празднует Ильин день (Архангельская обл., Сибирь)» (РС, 104). В то же время «рыбопромышленники Русского Севера полагали, что улов будет неудачен, если на судне есть у кого-нибудь белемнит [громовая стрела], которого рыба боится» (СД I, 562). Может быть, здесь стоит вспомнить и выражение *громить рыбу*, например, *громить красную рыбу* 'подымать ее стуком и шумом подо льдом, где ложится она на зиму, и подстерегая, вытаскивать баграми', по определению В. Даля; «есть и осенняя *громка*: ночью, с огнем, стуком и шумом загоняют рыбу, на лодках, в расставленные сети» (Даль I, 397).

¹ Ср. известное противостояние чёрта (вяльняса, вяльнса) и громовержца (Перкунаса, Перкуонса), ставшее одним из источников реконструкции «основного мифа», при том, что чёрт спасается от преследования громовержцем, как правило, именно в воде (в первую очередь см. Иванов, Топоров 1974, 4–103 и сл.). Надо сказать, что уже в древнеегипетской мифологии в контекстах, близких индоевропейскому «основному мифу», рыба выступает в соответствующей роли; например, в записях мистерий, совершавшихся в храме Гора и названных «Победа Гора» (сцена б), о нем говорится: «Вот ты – птица небес, пронзающая рыбу в воде!» (Матье 1996, 288). Мотив борьбы громовой птицы с подводными существами широко распространен в мифологиях американских индейцев (FW, 1112).

Тем более явно мотивы «основного мифа» в связи с рыбой выражены в балтийской традиции: *Kai griausmas užgriaudžia, lydekos ir vėžiai pasidaro bailūs* «Когда гром гремит, щуки и раки становятся боязливыми» (Balys I, 80, № 948b). В следующей литовской быличке щупак выступает буквально в роли черта – противника громовержца Перкунаса:

Kitą kartą labai gri austinis griovęs. Mergelė ėjus per lauką, sijono padalkas atsikaišius, o žaibai taip pliekę jai į akis, taip pliekę. Išgirdus balsą: „Pasileisk sijoną!“ Ta mergelė pasileidus, ir iškritęs lydeks. Paėjus kelis žingsnius, tuoj taukšt Perkūns į tą lydeką, ir gana «Один раз очень сильно гремел гром. Девушка шла по полю, приподняв подол юбки, а молнии так хлестали ей в глаза, так хлестали. Услышала голос: „Опусти подол!“ Девушка опустила, и выпал щупак. Прошла несколько шагов, тотчас ударил Перкунас в этого щупака, и все» (Balys IV, 137, № 4).

О латышском черте (*velns*), противнике громовержца Перкунаса, говорится, что *Pērkonā laikā... akās viņš dažreiz pārvēršas par zivi* «Во время грозы... в колодцах он иногда превращается в рыбу» (ŠmLGT, 1944, № 32411). Больше всего латышский *Velns* любит принимать щучий облик (см. Straubergs 1939–1941, 512), в свою очередь: *Ja lidaku nārsta laikā aizrūc pērkons, tad vasaru nebūs laba zveja* «Если во время щучьего нереста ударит гром, то летом не пойдет рыба» (ŠmLGT, 1093, № 17745). Наконец, *Zvejnieki mēdz apskatīt visas tās zivis, kuŗas izzvejo, un ja atrod kādu ar sarkanām acīm, tad svieŗ to atpakaļ ezerā, domādami, ka tas esot velns* «У рыбаков есть привычка осмотреть всех тех рыб, которых (они) поймали, и если находят какую-нибудь с красными глазами, бросают обратно в озеро, поскольку думают, что это черт» (ŠmLGT, 2202, № 36425). В Белоруссии, как и в Латвии, опытные рыболовы «ни за что не оставят себе пойманную во время грозы рыбку, у которой слишком красные глаза, – это несомненно черт, спрятавшийся в рыбу» (Виноградова 1998, 138). Существует даже соответствующее «белорусское поверье о ее происхождении: в рыбу превращаются те черти, которые во время грозы прячутся в воду, они имеют красные глаза, и рыбаки остерегаются употреблять таких рыб в пищу» (Дучыц, Санько 2004, 439; см. Макашина 1982, 95).

Рыба–дерево

В одной белорусской быличке (которую Йонас Балис приводит только в переводе на литовский язык) «человек в лесу драл лыко. Нашла гроза, он спрятался под деревом и в дупле заметил двух рыб. Он отошел в сторону, а гроза разбила дерево. Было бы много чертей, если бы Перун их не преследовал» (Balys I, 180; ссылка на: Романов 1891, 7–8).

К связи рыбы с деревом ср. следующую литовскую быличку, в которой *Žuvims ir vėžiui buvo paskirta atgaila. Atgailavo jie medy. Kai pasibaigė atgaila, Dievas juos paleido vandenin. Gera žuvelei vandeny – ir plaukia sau. Iš to didelio džiaugsmo pasakė:*

– Aŗ galiu ir be Dievo gyvent!

Dievas užpyko ant žuvies už tokį pasakymą ir paleido žveją, kad ją pagautų.

«Рыбам и раку было назначено покаяние. Каялись они на дереве. Когда покаяние было закончено, Бог отпустил их в воду. Хорошо рыбке в воде – и плывет себе. От этой большой радости она сказала:

– Я могу и без Бога жить!

Бог рассердился на рыбу за такие слова и пустил рыбака, чтобы тот ее поймал» (КАЖ, 79, № 144).

При этом сами названия некоторых рыб ставят их в прямую связь с определенными деревьями. По словам В. В. Усачевой, «ихтионимы, которые мотивируются названиями растений, не всегда обнаруживают ассоциативные связи, легшие в основу наименования. Их нельзя истолковать однозначно. Так, в названиях голяна и горчак отразилась связь с ольхой. Подобные ихтионимы известны всем славянским языкам, но объясняются исследователями, как лингвистами, так и ихтиологами, по-разному. В. Махек мотивирует возникновение чешского термина *olšovka* тем, что рыбка живет в горных реках, берега которых поросли ольхой, следовательно, название отражает место обитания. О. Феррианц считает, что в названии отразилась привычка голяна прятаться под корнями ольхи, в тени ольховых зарослей, склоненных над водой. Я. Карлович полагает, что название *olszanka* дано голянцу по цвету – брюшко рыбки напоминает цвет моченой древесины ольхи. Польский ихтиолог А. Валецкий этот же термин объясняет привычкой рыбки сосать корень этого дерева. Ср. названия голяна в других языках: рус. *ёлишанка* (диал. *елха* ‘ольха’), *ольшанка* (*ольшанный* ‘к ольхе относящийся’), укр. *вільхівка*, *ольховец*, *ольшанка*, блр. *ольшаник*, *ольшанка* („так как зарывается под корнями ольхи от хищников“ – А.И. Сапунов), пол. *olszówka*, словц. *jelšinka*, *lieška*, *jalšovka*, *lejšovka*, с.-хорв. *jòšavka*, болг. *лешанка*, *лешинка*, (*е*)*лешка*, *елешница*, ср. нем. *Erlitze* (*Erle* ‘ольха’), эст. диал. *leppkala*, *leppikala* (*lepp* ‘ольха’), венг. *éger* (*éger* ‘ольха’)); в свою очередь, «подобные названия горчак – рус., укр. *ольшанка*, блр. *ольховка*, пол. *olszanka*, *olszawka*, *olszówka*, по мнению специалистов, возникли из-за его вкуса: мясо горчак так же горько, как древесина ольхи»; «кроме того, ихтионимы, в которых есть связь с **olcha*, иногда употребляются для обозначения еще одной рыбки – верховки: рус. *ольшанка*, пол. *olszanka*, словц. *jalšovka*, *lajcha*. Название дано по месту обитания – рыбка, живущая под корнями прибрежной ольхи»; а вот «какова мотивация русского наименования *ольховик* ‘линь-недомерок’ и сербохорватского *jovacha* ‘подуст’ (*jóva* ‘ольха’), сказать трудно» (Усачева 2003, 71; см. Коломиец 1983, 43). Между тем ольха в славянской (и не только славянской) народной традиции тесно связана с дьяволом, чертом, нечистой силой (СМ, 343–344), причем «связь ольхи с нечистой силой объясняет популярный запрет прятаться под ней во время грозы, так как молния бьет в ольху», а «в Польше на Троицу ветками ольхи украшали дома, чтобы отвернуть грозу и град» и т.п. (Там же).

«Ряд ихтионимов мотивирован названиями других деревьев, растущих по берегам водоемов, – ивы, вербы, лозы. Номинация возникла по месту обитания, по привычке рыбок прятаться под корнями ивы (вербы), в ее тени: укр. *вербляник* ‘елец’, *вербівка*, *верблянка* ‘голянь’, *лозіўка* ‘маленькая рыбка’, пол. *wierzbówka* ‘голянь’, словц. *verbinačka* ‘уклейка’, *vrbníček* ‘горчак» (Усачева 2003, 72). Тем не менее влияние соответствующих мифологических воззрений в данном случае тоже не исключено, так как «ветки вербы, освященные в Вербное воскресенье, использовались для защиты от грома, грозы и бури»; «По представлениям белорусов, на вербе с Крещения до Вербного воскресенья сидит черт (до этого он обитает в воде [...]). Словаки полагали, что водяной часто сидит на самой высокой вербе и высматривает свою жертву (Ращице), а болгары думали, что самодивы живут на вербе и других

деревьях. По белорусским верованиям, черти весной отогреваются на вербе, а после того как вербу „засвецоць“, т.е. освятят в Вербное воскресенье, они падают в воду» и т.п. (СД I, 334–335).²

Рыба–коса

Можно также напомнить, что «черт отождествляется чаще всего с водяным, так как типичным местом его (черта) пребывания считается водная среда» (Виноградова 2001, 43). И наоборот: водяной из всех духов-„хозяев“ «ближе всех стоит к черту, а во многих местах Полесья считают, что черт и водяной – одно и то же» (Левкиевская 2002, 344)³. В свою очередь, «рыба – традиционный облик водяного, хотя чаще всего он то рыба, то человек; и рыба и человек или ездит на рыбе. [...] Водяной может быть *щукой без наросного пера* (Вятская губ.), может *напомянуть налима* (Вологодская обл.), быть просто *громадной рыбой* (Вологодская обл.) или рыбой, ведущей себя необычно: *Один мельник ловил рыбу ночью. Вдруг к нему в лодку вскочила большая рыбина. Мельник догадался, что это водяной, и быстро надел на рыбу крест. Рыба жалобно стала просить мельника отпустить ее... Наконец он жалился над водяным, но взял с него слово никогда не размывать мельницу весною* (Новгородская обл.)»; «Днем он рыба (сом), а ночью – старик с длинной зеленоватой бородой и сосновой плесой (Тамбовская обл.)»; или же «водяной – одетая моховым покровом щука, которая держит морду по воде (Новгородская обл.)» (РС, 95, 97)⁴. Таким образом, «по утверждению рассказчиков, водяной может выглядеть, как рыба (превращаться в нее или казаться ею). Наиболее часто водяного видят в облике щуки, культ которой был распространен и у славянских, и у финно-угорских народов» (Криничная 2001, 453). «У лужичан известны рассказы рыбаков о водяном, принимающем облик чудовищной, сильной щуки. Иногда у такой щуки телячьи глаза, она прыгает на спину рыбаку, исчезает в виде черного облака или

² Ср. также рус. диал. *ясьень*, словц. диал. *jas* 'голавль'; рус. диал. *яс*, пол. диал. *jaś, jesen*, ч. диал. *jas, jesen* и др. 'язь' с неясной этимологией (Коломиец 1983 33–34, 99–100); также пол. *lipień* и соответствия в некоторых других западно- и южнославянских языках; «как заимствование из польского языка появилось оно в белорусском: блр. диал. *ліпень, лепеня*. По своему происхождению название рыбы *lipień* (и его варианты) связано с названием дерева *липа*» (Коломиец 1983, 41); также название укр. *березівка* 'крупная щука, нерестящаяся во время распускания березы'; название рус. диал. *калінка*, блр. диал. *калінка* 'уклейка', «объясняющееся, несомненно, тем, что уклейка нерестится во время цветения калины» (Коломиец 1983, 49); также укр. диал. *клен*, рус., блр. диал. *клень*, пол. *kleń, klen*, болг. *клен* и др. (праслав. **klenjъ*) 'голавль': «этимология этого наименования голавля до сих пор не выяснена», «между тем совокупность общеславянских вариантов рассматриваемого названия ясно указывает на его связь с названием дерева *клен*, праслав. **klenъ* и **klynъ*. Как и ряд других славянских наименований рыб, оно отражает совпадение времени нереста соответствующего вида рыб со временем цветения определенного растения» (Коломиец 1983, 51–52). Здесь, может быть, кстати упомянуть, что в Западной Европе рыбы вывешивались на рождественском деревце (HDA II, 1541). В этом отношении также интересно, что «когда цыгане хотят использовать рыбу в качестве оракула, они прибивают ее живой гвоздями к дереву. Если на следующий день она еще жива, это считается благоприятной приметой, а если мертва и окровавлена, это предвещает несчастье» (HDA II, 1534). Интересно, во всяком случае, что рыба с деревом соотносятся и символически: так, согласно Юнгу, «лес, дремучий и непроницаемый для глаза, как и глубокая вода и море, является вмещителем неизвестного и тайного. Поэтому они – подходящие синонимы для бессознательного»; в свою очередь «деревья, как и рыба в воде, представляют собой живое содержание бессознательного» (Jung 1983, 194).

³ См. еще РС, 97; СД I, 396, 398.

⁴ См. еще ЭС, 71; СД I, 397; СМ, 82.

улетает уткой. В виде щуки часто представляют водяного и на Русском Севере: такая щука отличается от обычной огромными размерами» и т.п. (Гура 1997, 753). Тем самым «щука воспринимается как нечистое существо. Ей приписывается близкое знакомство с нечистой силой» (Гура 1997, 752).

Водяным духам, проявляющим себя непосредственно в облике рыбы, в литовском фольклоре тоже, по словам Л. Бугене, «свойственны черты, позволяющие непосредственно связать их с вьяльнясом (чертом), например, пойманные во время обедни рыбы превращаются в пни (LTR 1608/141), у щуки вырастают рога, крылья и хвост, щука превращается в собаку (LTR 1289/134) и т.п. Такие метаморфозы – характерное свойство вьяльняса» (Būgienė 1999, 42; см. Vėlius 1987, 42–43). В свою очередь, по данным Н. Велюса, имеется 11 литовских быличек, в которых вьяльняс представлен в облике рыбы, причем в большинстве из них (6) – в облике щуки (Vėlius 1987, 42). Например, в одной быличке человек возле озера косил траву и вдруг услышал голос: «Время пришло, а человека нет!», и увидел в воде большую щуку.

Žmogelis pagalvojo: „Reikia tą žuvį nukirsti“. Kaip tarė, taip ir padarė. Bet kai jis ėmė nuo pečių dalgį – užsimos lydeką kirsti – beįdamas sau galvą nukirto. Iš to matome, kad žuvis buvo velnias, kuris pranašavo žmogui mirtį. «Человек подумал: „Надо эту рыбу зарубить“. Как сказано, так и сделано. Но когда он снимал с плеч к о с у, замахнулся щуку рубить – так себе голову и отрезал. Отсюда мы видим, что (эта) рыба была чёртом, который предрекал человеку смерть» (LD, 167).

Ср. в этом отношении прямое отождествление косы с рыбой, в частности именно со щукой, в литовской традиции. В прямом сравнении: *Ir dalgelė kaip žuvelė po lankelę švytruoja* «И косочка как рыбочка в поле поблескивает»; тем более в загадках (с разгадкой «коса»): *Žuvis be grobų girią išgriovė* «Рыба без рёбер лес повалила» (LKŽ XX, 1011); *Žuvis begrobė visą girią išgriovė* «Рыба без рёбер весь лес повалила» (LT V, 631, № 7283); *Plieninis ungurys girę werczia* «стальной угорь лес валит» (KlvT, dvi, № 19; LKŽ XVII, 452; LT V, 631, № 7282); *Plieno ungurys kai mauna, visą girią pargriauna* «Стальной угорь как пройдет, весь лес согнет»; *Po girelė švykšt žuvelė, nuo žuvelės vinkst girelė* «По роще рыбка блеснула, вся роща от рыбки согнулась»; *Juoda lydeka nērė, žalią girią pakėlė* «Черная щука нырнула, зеленый лес подняла» (MS, 30–31; LE, 68, № 121; LT V, 631, № 7285); *Lydeka nērė, visą girią pakėlė* «Щука нырнула, весь лес подняла» (LKŽ VII, 403) и т.п.

То же в русских загадках, например: *Щука прянет, трава вянет; Щука ныряет, трава прилегает; Щука ныряет, весь лес подымает; Щука ныряет, лес погибает; Рыбина белужина по лесу ходила, лес ломала, лес сваял, город стал; Рыбина белужина берега окружила и леса приклонила* (Загадки, 77, № 2173, 2174, 2176, 2177, 2180, 2191–2193, 2195; см. Даль IV, 116) и т.д. и т.п. «Метафорический язык загадок называет щукою, – объясняет А.Н. Афанасьев, – блестящее лезвие косы и серпа, под взмахом которых падают травы и колосья», и дословно разбирает соответствующие русские загадки: «*щука-белуга* (вар. *рыба-белужина*) *хвостом мигнула* (т.е. блестящая = белая коса сверкнула), *леса* (= травы) *пали*, *горы* (= копны и стога) *встали*»; «*щука* (= серп) *прянет*, *весь лес* (= нива) *вянет*» (Афанасьев II, 83). Или еще: *Ишла щука з Кременьчука, куды гляне, трава вгяне* (Потебня 2000, 255). То же самое, как уже было отмечено А.Н. Афанасьевым, в отношении с е р п а: *Щука прянет, весь лес вянет* (Загадки, 75, № 2112).

Что же касается ихтионимов, ср. в этом контексте такие славянские названия рыб, как рус. *коса́рь* ‘чехонь’ (букв. ‘косец, широкий косой нож’, ‘большой нож для щепления лучины’, нередко делается из обломка к о с ы), болг. *костур* ‘вид рыбы’ (букв. ‘косой нож’), с.-хорв. *косац*, *косач*, *косир*, *косијер* ‘чехонь’ (‘большой садовый нож’) и др.⁵

“Рыбный король-пастух” и его стадо

Далее, у водяного может быть «рыбий или к о р о в и й хвост, гусиные лапы с перепонками или к о р о в ь и копыта, кожа как у налима, рог на голове» (Левкиевская 2002, 341) или два рога (см. РС, 96, 97; ЭС, 71). С другой стороны, «иная рыба, например сом, используется им вместо л о ш а д и в поездках под водой. Это „чертов конь“» (Криничная 2001, 454). Более того, кроме коровы, «водяной мог явиться и бараном, свиньей, черной собакой, кошкой», а с другой стороны, «водяной владеет всем, что есть в воде и на воде, он охраняет водоплавающих птиц и рыбу и переманивает ее из других источников. Р ы б а – это его с к о т, особенно сомы, налимы, угри и раки, которых в некоторых местах так и называют „рыба водяного“ и поэтому не употребляют в пищу. А в подводном царстве у него много скота – стада коров и лошадей, которых он лунными ночами выгоняет на прибрежные заливные луга» (Левкиевская 2002, 341, 346; см. СД I, 399; СМ, 83). Например:

Водяной по ночам выгонял своих коров из реки на прибрежный луг. Один человек заметил, что по ночам у реки пасется стадо черных коров, а придет утром – никого нет. Мужик стал наблюдать за этими коровами и, наконец, понял, что это коровы водяного и что тот сам выходит на берег их пастись. Однажды под утро, когда водяной загонял стадо назад в воду, мужик изловчился и отбил одну корову. Эта корова оказалась очень молочной, а в хозяйстве мужика с тех пор никогда не переводился скот (Левкиевская 2002, 347; см. ЭС, 74).

«По распространенным поверьям, водяной „хорошо держит коров“ (бассейн реки Оять), имеет табуны и стада, которые время от времени (например, на Новый год) выпускает пастись к устью реки (Русский Север, Сибирь). Если приметить такое стадо и успеть обежать его с иконой, то можно получить коров водяного» (РС, 95). В жертву водяному приносили лошадиный череп или топили для него целую живую кобылу (см. РС, 96, 102; ЭС, 72), или же у него самого конская голова (СМ, 83). Ср. интерпретацию библейского мотива о потонувших «фараоновых людях» в

⁵ В этом же ключе, может быть, стоит упомянуть рус. *лизейка* ‘маленькая щука’ (*лезейка* ‘нож’), *ножовка* ‘мелкая щука’ (*ножовка* ‘маленькая пила’), с.-хорв. *нож* ‘чехонь’; укр. *сокирка* ‘горчак’, пол. *siekierka* ‘горчак’, ‘быстрянка’ (букв. ‘маленький топор, секирка’); также рус. диал. *секун*, укр. диал. *сік*, *сікач*, блр. диал. *секун*, *секач*, пол. *siekasz*, с.-хорв. диал. *sekiš* ‘шиповка’, ‘горчак’ и др. (букв. ‘резак’, ‘большой нож’); также пол. *cioska* ‘чехонь’ (букв. ‘маленький плотничий топорик’), *kozik* ‘чехонь’ (букв. ‘нож с деревянной ручкой’), *toporek* ‘горчак’, ‘усач’; слов. *kresačka* ‘лещ’ (букв. ‘плотничий топор’); рус. *сабля* ‘чехонь’, ‘уклейка’, ‘шиповка’, блр. *сабля*, укр. *са́бля*, пол. *szabla*, слов. *šabla*, с.-хорв. *сабља* ‘чехонь’ и др. (в русском языке, «вероятно, под влиянием тюркских языков, в которых чехонь из-за внешнего сходства с саблей была названа словом, означающим саблю или меч», а «из русского языка название *сабля* ‘чехонь’ распространилась в другие славянские языки»); наконец, само название *чехонь* в виде слав. **čexonь* первоначально предположительно означало ‘рубящее или секущее орудие, секач’; ср. также нем. *Schwertfisch* ‘чехонь’ (*Schwert* ‘меч’), *Sichelfisch*, *Sichling* ‘чехонь’ (*Sichel* ‘серп’); ср. также группу названий, представленную в рус. *острець* ‘окунь’, связанном с *острый*, и т.п. (Коломиец 1983, 10–11, 16–18, 35, 130–131, 151; Усачева 2003, 136–137, 155–156).

«Сказании московских купцов о рыбах» (XVII в.), в частности: *А и кони их обратились рыбами же, а на коньских рыбах шерсть конская...* (Белова 2004, 293).

Ср. также литовские сравнения: (зап. в с. Пелеса, совр. Белоруссия) *Mano karvė graži kaip lydakė* «Моя корова красивая, как щука» (LKPŽ, 146); (Рудишкес, Тракайский р-н) *Lydekai kap jaučiai Merky* «Щупаки в [реке] Меркис, как быки» (LKŽ VII, 403). Также ср. загадку: *Marga karvė dangų laižo* «Пестрая корова небо лижет» = щука под льдом (LT V, 528, № 6185). В другой литовской загадке рыба приравнивается к кобыле: *Ūžuolas be šakų, dzirvonas be takų, kumelė be vadelių žino kelių* «Дуб без ветвей, залежь без тропинок, кобыла без вожжей знает дорогу» = рыба (TŽ V, 588, 592, № 292).

В свете сказанного о рыбе как «скоте водяного» ср. следующие славянские (а также некоторые другие) названия рыб:

Русское название породы рыб *бычок*, также *бык-рыба*, укр. *бичок*, пол. диал. *byszek* «бычок-подкаменщик»; согласно обычному объяснению, «это наименование, связанное с *бык* (слав. *bykъ*), обусловлено, по-видимому, сходством большой головы подкаменщика с головой быка (ср. англ. *bullhead* ‘подкаменщик’, букв. ‘бычья голова’)» (Коломиец 1983, 15–16; см. Усачева 2003, 129; Даль I, 149); но ср. словц. *bul’* ‘жерех’, букв. ‘бык’ (Усачева 2003, 157). Ср. в «Латышском лексиконе» Г.Ф. Стендера 1789 г. лтш. *jūras vērsis*, буквально ‘морской бык’, определяемое как «своего рода морской налим с шипами и рогами» (BRMŠ IV, 244); также соответствующие литовские названия рыбы *Cottus quadricornus jūrių veršis* ‘морской теленок’ и *jūrjautis* ‘морской бык’ (LKŽ IV, 432, 434), а также названия керчака (*Myoxoscephalus scorpius bulis*, буквально ‘бык’, и *jūros būlius* ‘морской бык’ (LKŽ I, 1133, 1153).

Далее, ср. рус. *конь*, также *кобыла*, блр. *конь*, укр. *кобила* ‘жерех’, рус. *конь* ‘белорыбица’, пол. *kobyła* ‘сырть’ (Усачева 2003, 157), рус. *лошадиный вьюн* ‘вьюн’ (Усачева 2003, 121); также рус. *табунец* ‘гольян’ (Усачева 2003, 76). Ср. нем. *Rappe* ‘конь’ и ‘жерех’ (Усачева 2003, 157). Можно вспомнить также известные названия *h i p p o samrus’a* рус. *морской конек* (*конь*); лит. *jūros arkliukas* ‘то же’, *žuvelė arkliukas* ‘рыбка-конек’ (LKŽ I, 307).

Далее, ср. рус. *коза* ‘чехонь’, укр. *козā* ‘чехонь’, ‘щиповка’ («внешнее сходство, проявляющееся в наличии рогов у животного и двух острых колючек на голове рыбы по обеим сторонам глаз»), *козел* ‘лещ’, блр. *коза* ‘щиповка’, пол. *koza* ‘чехонь’, ‘щиповка’ («по мнению Брюкнера, перевод нем. *Ziege* ‘коза’ и ‘чехонь’»), словц. *koza*, с.-хорв. *koza*, *козел*, словен. *kozel* ‘щиповка’ (Усачева 2003, 157). Ср. также лит. *ožkā* ‘коза’ в значении ‘чехонь’ (*Pelecus cultratus*) (LKŽ VIII, 1032; см. Urbutis 1981, 159–160).

Далее, ср. рус. *морская собака* ‘рыба *Squalus*, людоед, акула’ (Даль II, 346); *сука* ‘щиповка’ (Усачева 2003, 158), рус., укр. *кобѣль*, блр. *кобел’*, пол. *kobel* и др. в значении ‘пескарь’ (Усачева 2003, 32); чеш. *zajíček vodní* ‘елец’, с.-хорв. *zeка* ‘уклейка’ (букв. ‘зайчишка’) (Усачева 2003, 157) – ср. название рыбы *Cyclopterus lumpus*: нем. *Meerhase*, лит. *jurų kiškis*, буквально ‘морской заяц’ (Urbutis 1981, 149; LKŽ V, 887); далее еще – рус. *соболь*, *соболёк* ‘мелкий окунь, не достигший возраста икротетания»; с.-хорв. *lāsiца* ‘минога’ (букв. животное ‘ласка’) (Усачева 2003, 160).

Следует также обратить внимание на тесную связь славянского водяного со с в и н ь е й. В Белоруссии, «чтобы водяной не слизывал смазку с мельничных колес, мельники бросали в воду сало, внутренности или мясо свиньи» (СД I, 399; см.

СМ, 83). В России, в окрестностях Новгорода верили, что водяной непосредственно сам может быть свиньей (РС, 95); так, «по рассказу из Новгородской губернии, когда отыскивали утонувшую девушку, *то ныряли в воду. Один мужик нырнул, нашел девушку и хотел ее вытащить за волосы, но на ней сидела свинья. В другой раз нырнул – то же самое. Приготовляясь нырять в третий раз, он перекрестился. Водяной – это был он в образе свиньи – скрылся. Утопленница была вытащена, но к жизни ее не удалось вернуть» (РС, 104; см. ЭС, 71)⁶. В русских рыбацких приметах «встреча со свиньей предвещает добычу» (Криничная 2001, 484) и т.п.*

Ср. соответственно такие ихтионимы, как рус. *свіночка* ‘донской ёрш’, укр., блр. *свинка*, пол. *świnia, świnka*, словц. *svinka* ‘подуст’; «о подусте говорят, что он всеяден, как свинья, любит заходить в муть, где находит для себя корм; возможна другая мотивация – по форме части тела: сильно выдающийся конический хрящеватый нос, напоминающий рыло свиньи» (Усачева 2003, 157–158; Коломиец 1983, 16), укр. *свиного* ‘краснопёрка’ (Усачева 2003, 137), с.-хорв. *свиња риба* ‘осетр’ (Усачева 2003, 129), также ср. с.-хорв. название усача *прасица*, согласно объяснению – «так как издает звук, похожий на хрюканье свиньи» (Усачева 2003, 74). Ср. также латинское название осетра *porco-piscis*, буквально ‘свинья-рыба’ (Walde, Hofmann II, 310).

В балтийской традиции очень популярны былицы следующего типа. Ср. латышскую:

Netālu no Taurkalnes ir kāds ezers, ko sauc par Aklezeru. Zivis tur tagad neaug, un arī senāk neesot augušas. Senāk kāds zvejnieks atcirtis aļiņģi tad, kad zivis slāpušas. Viņš izvilcis vienu zivi, kas bijusi ar strupu asti. Zvejnieks sakūris uguni un gribējis zivi cept. Te no ezera dibena atskanējusi balsis: „Cūk, cūk, lielā, cūk, cūk, mazā, cūk, cūk, visu maziņā, visas cūkas ir, tik strupašķes nav.“ Zivs mudīgi nometuses no uguns un pa aļiņģi ielēkusi ezerā.

«Недалеко от Тауркальне находится озеро, которое называют Аклезерс. Рыба там сейчас не водится, и раньше не водилась. Раньше один рыбак рубил прорубь, когда рыба задышалась. Он вытащил одну рыбу с коротким хвостом. Рыбак развел огонь и хотел уже рыбу жарить. Но тут со дна озера раздался голос: „Чух, чух, большая, чух, чух, маленькая, чух, чух, всех малей, все свиньи здесь, только короткохвостки нет“. Рыба живо бросилась от огня и через прорубь ушла в озеро» (AnLTГ, 207).

Литовскую:

Viename ežere sugavę labai didelę žuvį su striuka uodega. Namie susūdę jos mėsą. Naktį ir ėmę po paežerę šaukūt:

– *Čiuka čiuka, sriuktuodege!*

Ir šaukindams atėjęs į namus. Po langu ėmęs prašyt:

– *Atiduok mano kiaulę!*

Tie žmonės rytą nuvežę tą susūdytą žuvį, į ežerą suvertę. Daugiau nieko nebegirdėję.

«В одном озере поймали очень большую рыбу с коротким хвостом. Дома ее мясо засолили. Ночью и стал кто-то у озера покрикивать:

– Чух чух, короткохвостая!

И покрикивая подошел к дому. Под окном стал просить:

– Отдай мою свинью.

⁶ В сходном повествовании, услышанном в этой же губернии, водяной принимает обличье коровы (там же).

Те люди утром отвезли эту солёную рыбу, в озеро свалили. Больше ничего не слышали» (SV, 29; вариант ŠLSA, 274, № 480; Balys III, 508, № 807).

Здесь уже не только рыба выступает в качестве свиньи водяного хозяина, но и сам он, тоже, как мы видели, будучи рыбой, предстает в качестве рыбного пастуха. Ср. еще одну литовскую быличку, в которой он так назван явно:

Dar mano tėvas pasakodavo, kad kažkoks žmogus nuvažiavęs Žagarinės miškan samanų. O buvęs šeštadienis. Jis rauna samanas ir girdi – ežere, – tik nežinau, ar Luodžio, ar Žagarinės, – triukšmą. „Na, – mano sau, – šiandien žydams šventa, kas ten gali žvejoti?“ Na, niėjo prie ežero ir žiūri. Agi nendryne sėdi koks žmogus, plaukais apsilėidęs, ir kai švilpia, tai karšiai uodegont pūkšt, pūkšt, pūkšt. Tai, sako, ten buvęs žuvų piemuo.

«Еще мой отец рассказывал, что какой-то человек поехал в лес Жагаринес за мхом. А была суббота. Он рвет мох и слышит – на озере, – только не знаю, на озере Луодис или Жагарине, – шум. „Ну, – думает про себя, – сегодня у евреев праздник, так кто же там может ловить рыбу?“ Ну, пошел к озеру и смотрит. А в камыше сидит какой-то человек, весь волосами обросший, и когда он свистит, так лещи хвостами бух, бух, бух. Это, говорят, там р ы б н ы й п а с т у х был» (SV, 26).

В славянской народной традиции «рыбный пастух» также хорошо известен, и здесь он еще называется «рыбным царем». Так, по словам А.В. Гуры, «подобно зверям и птицам, рыбы имеют своего главу или „царя“. Мифическим хозяином, предводителем („водом“), царем над рыбой и „рыбным пастухом“ считают водяного (Белоруссия). По русским представлениям, он ездит верхом на соме, пасет рыбу под водой, перегоняет ее из озера в озеро, заключает с рыбаками договор о рыбе (Архангельская губ., Шенкурский у., Харьковская губ. (?)), может не напустить ее в сети (Вологодская губ., Сольвычегодский у.), наказывает за ловлю рыбы ночью (Тамбовская губ., Елатомский у.). Водяной и сам может появляться в образе рыбы (Польша, Вармия и Мазуры), например, осетра, сома (Архангельская губ., Шенкурский у., Харьковская губ. (?); совр. Тарнобжегское воев., Модлибожице), пудовой щуки (Вологодская губ.), реже – карася или налима или в виде полчеловека-полурыбы (Смоленская, Могилевская губ.), человека с сомовьей головой (совр. Минская обл., Столбцы). У сербов Лесковацкой Моравы существует представление о рыбьем царе (*рыбљи цар*), который ведет рыб на нерест» (Гура 1997, 750–751).

В связи с образом «рыбного пастуха» ср. такие славянские названия рыб, как рус. *конюх* 'уклейка', 'пескарь', с.-хорв. *говедар(ка)* 'пескарь', 'щиповка', *говедарац*, *говедарак*, *говедарица* 'пескарь', болг. *говедарка* 'пескарь', 'быстрянка', ср. фр. *bouvière* 'горчак' (*bouvièr* 'погонщик быков, волопас') (Усачева 2003, 149).

В связи с образом «рыбного царя» или «короля» ср. рус. *королек* 'особая разность плотвы с красной чешуей' или 'осетр с икрой белого цвета', *царек* 'помесь карпа и карася'; укр. *король* 'зеркальный карп', *царьок* 'серебряный карась', *цар* 'ёрш', буквально *риблячий цар* 'чоп' (Закарпатье); с.-хорв. *caric* 'ёрш', *riblji car* 'белый угорь (*Anguilla vulgaris* forma alba)'; чеш. *králik* 'карп, у которого по бокам три ряда чешуи'; болг. *цар на шараните*, *крал на шараните* 'королевский карп'; ср. также рус. архангельск. *пан* 'лосось', а в русских донских говорах – 'самый крупный сом' (Усачева 2003, 150–151). Еще «у русских в Ярославской обл. плотву, особенно с ярко-красными плавниками, называют *князем* или *князьком* (Переславль-Залесский р-н). Слово *князь* встречается и в качестве названия сельди с розовыми плавниками, которая плывет впереди стаи (Ярославская обл.)» (Гура 1997, 756).

Здесь можно лишь добавить, что представления о короле рыб не менее хорошо известны и в балтийской традиции (см. Būgienė 1999, 50). Приведем лишь один литовский пример:

Dusetų ežere gaudė žvejai žuvis. Vieną valkšną traukdami, labai sunkiai traukė. Ištraukė labai daug žuvų, kurių tarpe buvo viena žuvis labai graži ir ant galvos turėjo karūną. Visiems pažiūrėjus, savininkas liepė paleisti žuvį, nes karalius turi valdyti savo karalystę.

«На озере Дусетос рыбаки ловили рыбу. Одну тоню когда тащили, очень трудно было тащить. Вытащили очень много рыбы, среди которой была одна рыба очень красивая и на голове имела корону. После того, как все посмотрели, владелец велел отпустить рыбу, потому что король должен управлять своим государством» (LD, 30; SV, 28–29). В латышских сказках еще упоминается *zīvu ķēniņiene* ‘королева рыб’ (Kursīte, 365) и т.п.

Голос рыбы (пение, вой, рев, писк, свист и т.п.)

Русская поговорка гласит: *Спела б и рыбка песенку, когда бы голос был!* (Даль IV, 116). Примечательно, что в сказочной действительности у рыб и других жителей мифологического подводного царства не только имеется голос, но они являются и сочинителями песен и музыки. Например, «согласно представлениям украинцев Подолии, „морские люди“ [...] сочиняют песни и перекладывают их на ноты» (Белова 2004, 293). В русской народной традиции, по словам Е.Е. Левкиевской, «считается, что морские женщины наделены необычайной красотой и прекрасным голосом. Они подплывают к кораблям и поют чудесные песни. [...] Морским людям приписывается сочинение всех на земле песен и сказок: по субботам они выплывают на поверхность моря и начинают петь и рассказывать. Моряки запоминают их и разносят по городам и селам» (Левкиевская 2002, 158).

Обитатели подводного царства обладают голосом, а также сочиняют песни и в литовской мифологической традиции, в первую очередь в сказаниях и быличках. Л. Бугене указывает на «встречающийся в некоторых быличках образ рыбы, имеющей человеческие черты: пойманная рыба говорит человеческим голосом (LTR 1191/116/, LMD I 183/75/), смеется, выскользнув из рук, скрывается (LTR 325/82/)» (Būgienė 1999, 53). В одном сказании даже утверждается, что вообще *žuvys išmisliu giesmes. Buvo žuvys: pusiau žuvis, pusiau moteris, ir dainavo giesmes, ir žmonės ėmė giedot* «рыбы выдумали песни. Были рыбы: наполовину рыба, наполовину женщина, и пели песни, и люди стали петь» (LTR 3500/121/) (Būgienė 1999, 52; SV, 24). Или же, например, рыбаки ловили рыбу на Немане и, *Užmetę tinklą, ištraukė didelę nei žuvį, nei žmogų. Ji buvo labai graži, turėjo geltonus plaukus ir labai mažas ir trumpas rankas. Vietoj kojų buvo lyg žuvies uodega. [...] Kai būdavo gražus oras, ji gražiai dainuodavo. Jos buvo labai gražus balsas, kokio neturi nė vienas žmogus, tik žodžių, ką ji dainuodavo, nebuvo galima suprasti* «Закинув сеть, вытащили большую не то рыбу, не то человека. Она была очень красива, имела желтые волосы и очень маленькие и короткие руки. Вместо ног был вроде рыбий хвост. [...] Когда стояла хорошая погода, она красиво пела. У нее был очень красивый голос, какого нет ни у одного человека, только слов, что она пела, было не понять» (LD, 29; SV, 25). Или: *Senais laikais vandenyje gyveno narės. Iki pusės jos būdavo moters pavidalo, o nuo pusės – žuvies. Narės labai gražios, kaip laumės. Naktimis, patekėjus mėnuliui, jos išlįsdavo ant vandens,*

šokdavo rateliu, dainuodavo «В старые времена в воде жили нары. Наполовину они были с виду женщины, а наполовину – рыбы. Нары очень красивы, как лаумы. По ночам, при луне, они выходили из воды, плясали, пели» (SV, 26)⁷.

Образ «сирены» – поющей полурыбы-полудевы в балто-славянской народной традиции хорошо известен, и, видимо, его нельзя отделять от представлений о поющей рыбе. Во всяком случае, в балто-славянской традиции рыба, как правило, издает голос и без каких-либо намеков на антропоморфизацию. Ср. рассказ об озере Лабе на северо-востоке Литвы: *Rudenį, užšalus ledui, pradeda trūkti ledas ir girdisi žviegimas. Jei ežeras labiau žviegia, bus nelaimė – karas, badas ar kt. Žmonės sako, kad žuvis kaukia. Ūkia pavasarį ir rudenį* «Осенью, когда застынет лед, он начинает трескаться, и слышится визг. Если озеро визжит сильнее, будет несчастье – война, голод или др. Люди говорят, что это рыба в о е т. Гудит весной и осенью» (Žilienė 1996, 213–214). Например, о рыбе вьюне в народе говорят: *Vijūnas strošna žuvis ir čypia, kaip pagauna* «Вьюн страшная рыба и пищит, когда поймает»; *Vijūną sugauni, kaip gyvačiokas čypia* «Вьюна поймаешь, пищит как змееныш»; *Ežere būdavo vijūnų su ūsais, čypia, kaip pagauni* «В озере водились вьюны с усами, пищят, когда поймаешь»; *Vijūnai žole bėga ir spiegia* «Вьюны по траве бегут и визжат» (LKŽ XIX, 329–330).

В связи с этим ср. следующие славянские названия рыб: такие русские названия рыбы рамши, а также разных видов керца (*Cottus*), как *ревец*, *рэвца*, *рэвча*, *рев'к*, *рвца*, *р'вча*, восходящие непосредственно к *реветь*, *рвкать* (Даль IV, 89; Urbutis 1981, 158⁸); далее, рус. *ревѡга* 'карп', *ворчун* 'терский усач', *пискавка* 'щиповка', *пискѡла* 'сырть', *пискѡн* 'вьюн', 'пескарь', 'угорь', 'щиповка', блр. *пискун*, болг. *пискѡл* 'голец', с.-хорв. *piskavac*, *piskavica*, пол. *piskun* 'вьюн', словц. *piskor*, чеш. *piskoř* 'щиповка' (*piskat* 'свистеть'), также с.-хорв. *piskavica* 'морская минога' (которой, по словам М. Хиртца, «название очень подходит, так как рыба похожа на свирель»), рус. *свистѡха* 'чехонь', болг. *свирец* 'щиповка' (*свиря* 'пищать', ср. *свирец* 'человек, играющий на свирке') и т.п. (Усачева 2003, 74–74, 146, 155; Коломиец 1983, 37). С русскими словами *писк*, *пищать* М. Фасмер связывает также рус. *пискѡрь*, диал. *пискѡл* и т.п., в качестве типологических примеров приводя еще «пол. *sykawiec* 'вьюн' от *sykać* 'шипеть', лит. *pyplūs* 'вьюн, пескарь' : *pypti* 'пищать', лтш. *pika* 'вьюн', *pikste*, *piksta* – 'то же' : *pikstēt*, -и, *pikšēt* 'свистеть, пищать'» (Фасмер III, 267). К польскому *sykawiec* 'вьюн' ср. еще названия щиповки пол. диал. *sik*, *sikawka*, *sikawycia*, *sikawiec*, ч., словц. *sykavec*, укр. диал. *сик*, *сікавка*, блр. диал. *сіка*, *сіковка*, рус. диал. *сик*, *сиковка* и др. (к *сикать* 'сычать'); а также такие германские названия вьюна, как н.-в.-нем. *Schreiaal*, буквально 'кричащий угорь', *Piepaal* 'пищащий угорь', датск. *piepfisch* 'пищащая рыба' и т.п. (Коломиец 1983, 37–38).

Заключение

Можно было бы привести еще несколько примеров подобной семантической корреляции между славянскими (и не только славянскими) ихтионимами, с одной стороны, и славянской или, шире, балто-славянской «рыбной» мифологией, однако и сказанного достаточно для того, чтобы показать явную необходимость при ис-

⁷ *Nārē* – вид «водяных дев», буквально 'ныряльщица'; ср. лтш. *nāra* 'то же'.

⁸ Со ссылкой на: Линдберг, Герд 1972, 248. Вопреки М. Фасмеру, узревшему здесь заимствование из самского диал. *reaksta* '*Cottus quadricornis*' (Фасмер III, 456).

следовании ихтиологической лексики учитывать мифологические представления о рыбах.

При этом ихтионимы в этом отношении, можно надеяться, не составляют исключения, и сам принцип выделения мифологической составляющей в семантической мотивации наименования рыб, видимо, может быть распространен и на другие области окружающего мира, освоенного человеком еще при господстве традиционной культуры и мифологического мировосприятия.

Сокращения литературы и источников

- Афанасьев П = А.Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов, II. Москва, 1995.
- Белова 2004 = «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Составление и комментарии О.В. Беловой. Москва, 2004.
- Виноградова 1998 = Л.Н. Виноградова. Духи, вселяющиеся в человека // *Studia mythologica Slavica*, 1. Ljubljana-Pisa, 1998.
- Виноградова 2001 = Л.Н. Виноградова. Полесская народная демонология на фоне восточнославянских данных // Восточнославянский этнолингвистический сборник: исследования и материалы. Москва, 2001.
- Гура 1997 = А.В. Гура. Символика животных в славянской народной традиции. – Москва, 1997.
- Даль I–IV = В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I–IV. Москва, 1981–1982.
- Дучыц, Санько 2004 = Л. Дучыц, С. Санько. Рыба // *Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік*. Мінск, 2004.
- Загадки = Загадки / Издание подготовила В.В. Митрофанова. Ленинград, 1968.
- Иванов, Топоров 1974 = Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. Москва, 1974.
- Коломиец 1983 = В.Т. Коломиец. Происхождение общеславянских названий рыб (К IX международному съезду славистов). Киев, 1983.
- Криничная 2001 = Н.А. Криничная. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов, т. I: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». Санкт-Петербург, 2001.
- Левкиевская 2002 = Е.Е. Левкиевская. Мифы русского народа. Москва, 2002.
- Линдберг, Герд = Г.У. Линдберг, А.С. Герд. Словарь названий пресноводных рыб СССР. Ленинград, 1972.
- Макашина 1982 = Т.С. Макашина. Ильин день и Илья-пророк в народных представлениях и фольклоре восточных славян // *Обряды и обрядовый фольклор*. Москва, 1982.
- Матье 1996 = М.Э. Матье. Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. Москва, 1996.
- Потебня 2000 = А.А. Потебня. Символ и миф в народной культуре: Собрание трудов. Москва, 2000.

- Романов 1891 = Е.Г. Романов. Белорусский сборник, V. Витебск, 1891.
- РС = М. Власова. Русские суеверия. Санкт-Петербург, 2000.
- СД I = Славянские древности: Этнолингвистический словарь в пяти томах. Под редакцией Н.И. Толстого, I. Москва, 1995.
- СМ = Славянская мифология: Энциклопедический словарь / Издание 2-е, исправленное и дополненное. Москва, 2002.
- Усачева 2003 = В.В. Усачева. Славянская ихтиологическая терминология: Принципы и способы номинации. Москва, 2003.
- Фасмер I–IV = М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I–IV. Санкт-Петербург, 1996.
- ЭС = Энциклопедия суеверий / Составители: Э. и М.А. Рэдфорд (английские суеверия); Е. Миненок (русские суеверия). Москва, 1998.
- AnLTT = Latviešu tautas teikas: Izcelšanās teikas. Izlase / Sastādītāja Alma Ancelāne. Rīga, 1991.
- Balys I–V = J. Balys. Raštai, I–V. Vilnius, 1998–2004.
- Būgienė 1999 = L. Būgienė. Mitinis vandens įprasminimas lietuvių sakmėse, padavimuose ir tikėjimuose // Tautosakos darbai, t. XI (XVIII). Vilnius, 1999.
- Elisonas 1932 = J. Elisonas. Mūsų krašto fauna lietuvių tautosakoje // Mūsų tautosaka / Red. prof. V. Krėvė-Mickevičius, V. Kaunas, 1932.
- FW = Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology, and Legend / Ed. Maria Leach. New York, 1949.
- HDA II = Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens / Herausgegeben unter besonderer Mitwirkung von E. Hofmann-Krayer und Mitarbeit zahlreicher Fachgenossen von Hanns Bächtold-Stäubli, II. Berlin und Leipzig, 1929–1930.
- Jung 1983 = C.G. Jung. Alchemical Studies. Princeton University Press, 1983.
- KAŽ = Kaip atsirado žemė: Lietuvių etiologinės sakmės / Sudarė ir parengė Norbertas Vėlius. Vilnius, 1986.
- KlvT = Prūsijos lietuvių dainos / Surinko ir pridėdams anas per Rėzą, Nesselmann'ą, Dr. Sauerwein'ą bei kitus rinktas arba sutaisytas dainas išleido savo paties kašta Vilius Kalvaitis. Tilžėje, 1905 (Vilnius, 1998).
- Kursite = J. Kursite. Latviešu folklorā mītu spoguļi. Rīga, 1996.
- LD = Laumių dovanos: Lietuvių mitologinės sakmės / Paruošė Norbertas Vėlius. Vilnius, 1979.
- LF = Lietuvių folkloro chrestomatija / Parengė Bronislava Kerbelytė, Bronė Stundžienė. Vilnius, 1996.
- LKPŽ = Lietuvių kalbos palyginimų žodynas / Sudarė K.B. Vosylytė. Vilnius, 1985.
- LKŽ = Lietuvių kalbos žodynas, I–XX. Vilnius, 1956–2002.
- LMD = Lietuvių mokslo draugijos rankraščiai Lietuvių tautosakos rankraštyne.
- LT IV = Lietuvių tautosaka, t. IV: Pasakos, sakmės, pasakojimai, oracijos / Paruošė L. Sauka, A. Seselskytė, N. Vėlius, K. Viščinis. Vilnius, 1967.
- LT V = Lietuvių tautosaka, t. V: Smulkioji tautosaka, žaidimai ir šokiai / Paruošė K. Grigas. – Vilnius, 1968.
- LTR = Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštynas.
- MS = Mįslių skrynelė: 3000 lietuvių mįslių ir minklių / Sudarytojas Stasys Lipskis. Vilnius, 2002.
- Straubergs 1939–1941 = K. Straubergs. Latviešu būramie vārdi, I–II. Rīgā, 1939–1941.

- SV = Sužeistas vėjas: Lietuvių liaudies mitologinės sakmės / Sudarė Norbertas Vėlius. Vilnius, 1987.
- ŠLSA = Šiaurės Lietuvos sakmės ir anekdotai / Surinko Matas Slančiauskas. Vilnius, 1975.
- ŠmLTT = Latviešu tautas ticējumi / Sakrājis un sakārtojis Prof. P. Šmits. Rīgā, 1940.
- TŽ V = Tauta ir žodis / Red. prof. V. Krėvė-Mickevičius, V. Kaunas, 1928.
- Urbutis 1981 = V. Urbutis. Baltų etimologijos etiudai. Vilnius, 1981.
- Vėlius 1987 = N. Vėlius. Chtoniškas lietuvių mitologijos pasaulis. Vilnius, 1987.
- Walde, Hofmann II = Lateinisches etymologisches Wörterbuch von A. Walde / 3., neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann, II. Heidelberg, 1954.
- Žilienė 1996 = Padavimai iš Juozo Būgos rankraščių / Parengė Irena Žilienė // Tautosakos darbai, t. V (XII). Vilnius, 1996.

Mythological Component in the Slavic Ichthyological Terminology

Dainius Razauskas

There is a layer in Slavic ichthyological terminology which is either directly connected with some well-known mythological beings or indicates a mythological imagery scarcely characteristic of the common living conditions of fish. As a rule, such an ichthyonyms are explained according to the appearance of the fish and its behaviour. Nevertheless, in some cases, the semantics of these ichthyonyms conforms to corresponding mythological motives so well that the question of the influence of a mythological world-view on their origin – that is, the question of the mythological component in the semantic motivation of these ichthyonyms – is apt to be stated. The features of the appearance and behaviour of the fish may serve in such cases only as a pretext to switch on the mythological apprehension.

Several cases of this kind are presented in the article. Firstly, fish-names with the literal meaning of ‘devil’ and the mythological data connecting the fish with the devil. Secondly, the mythological data connecting fish with a tree and the fish-names which literally mean some species of the tree. Thirdly, some mythological material connecting fish with a scythe or sickle and the corresponding fish-names. Then, the well-known mythological imagery of the fishes as the cattle of their “herdsman” or “king” (i.e. water-sprite) and the corresponding fish-names. And, finally, the mythological images of the “singing fishes” (or water-nymphs) in connection with the ichthyonyms literally meaning ‘hooting, screaming, squeaking’.

In conclusion, it is evident that the consideration of the traditional mythological imagery in the research of the ichthyological terminology is indispensable. And we can hope, moreover, that the ichthyonyms in this respect do not make an exception.